

УДК [343.232+343.97]:330.837

В. Н. Дремин

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И ПРЕСТУПНОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Методология институционального анализа общественных процессов и явлений в последние годы приобрела особую актуальность. Очевидно, что повышенный интерес к данной проблематике связан с кризисом институциональных основ государственного и политического устройства во многих странах мира. Деинституционализация устоявшегося миропорядка, проявляющаяся в разрушении экономических, правовых, политических систем и традиций, привела к возникновению конфликтного по своей сути общества. Одним из существенных факторов социальной конфликтности и следствием распада устойчивой институциональной системы является преступность. Преступность как сложнейший социальный феномен не могла оставаться вне институциональных исследований. Со времен Э. Дюркгейма анализ девиантного поведения в той или иной мере предполагает изучение социальных институтов. Рассматривая преступность сквозь призму экономического, социологического, политологического институционализма, ученые формируют существенно различающиеся между собой научные направления. Рассмотрим некоторые из них.

В 60-х гг. прошлого века в русле экономического неинституционализма была создана «экономика преступлений и наказаний» (economics of crime and punishment). Одним из основоположников экономического анализа преступности считают американского экономиста-криминолога Т. Шеллинга, который в 1967 г. писал, что «...Многие принципы изучения экономики и бизнеса <...> официального мира (upperworld) могут быть пригодны с соответствующей модификацией <...> и для изучения преступного мира (underworld)» [1, с. 114].

Концептуализацию «экономики преступлений и наказаний» как направления неинституциональных исследований традиционно связывают с выходом в свет в 1968 г. статьи «Преступление и наказание: экономический подход» американского экономиста Г. Беккера [2]. В 1992 г. Г. Беккер был удостоен Нобелевской премии по экономике за «распространение сферы микроэкономического анализа на целый ряд аспектов человеческого поведения и взаимодействия, включая нерыночное поведение». Экономический подход к социальным вопросам – так сам Г. Беккер определяет суть своей концепции. «Модель рационального выбора обеспечивает наиболее перспективную основу, имеющуюся в нашем распоряжении, для унифицированного подхода представителей общественных наук к изучению социального мира», – заявил ученый в своей нобелевской лекции [3].

Л. Филипс и Х. Воти-младший подчеркивают, что контроль над преступностью необходим для задержания преступников, их исправления, возмездия за совершенные преступления и предупреждения новых преступлений. Управление правоохранительными органами для наиболее эффективного контроля над преступностью предполагает прежде всего регулирование количества ресурсов, необходимых

для организации задержания преступников, расследования совершенных ими преступлений, судебного разбирательства, вынесения приговоров и исполнения наказаний. Деятельность системы криминальной юстиции качественно не отличается от любого другого «экономического производственного процесса». Для контроля над преступностью есть три инструмента: ресурсы криминальной юстиции, тяжесть наказания и социальные программы. Их можно использовать как отдельно, так и одновременно [4].

Экономическая концепция преступности предполагает изучение влияния на уровень преступности не только правовых, но и иных институтов. Как подчеркивал Г. Беккер, более основательным способом сдерживания преступности, нежели ассигнования на полицию и тюрьмы, является увеличение затрат на улучшение возможностей легальной занятости для подростков, бедных и других социальных групп, наиболее склонных к совершению преступлений. Это предполагает, в частности, повышение качества школьного обучения, уменьшение безработицы, политику укрепления семьи. Таким образом, по мнению Г. Беккера, преступность во многом зависит от общественной политики – политики не только в правоохранительной сфере, но и в области образования и во многих иных сферах жизни общества. Совершенствование этой политики может оказать существенное воздействие на преступность [5].

Особое место в экономике преступлений занимает исследование организованной преступности. Уже в 1967 г. Т. Шеллинг писал: «Обычно считается, что организованная преступность несет угрозу и с ней надо бороться <...>. Но если альтернативой организованной преступности является не декриминализованное общество, а «дезорганизованная преступность», то есть если преступность остается на том же уровне, но уменьшается ее организованность, то выбор далеко не однозначен <...>. Если общество не имеет легальных средств для борьбы с некоторыми видами преступлений <...> может быть, обществу надо позволить преступному миру самому устанавливать достаточно строгую дисциплину, что может потребовать существования организаций, достаточно сильных, чтобы поддерживать дисциплину <...>. Если это так, то не следует желать <...> чтобы вся преступность была менее организованной. Возможно, даже необходимо, чтобы некоторые виды преступности были бы более организованными, чем сейчас» [6].

Неоинституциональный подход к осмыслению преступления и наказания, согласно исследованиям Ю. Латова, привел к формированию ряда относительно самостоятельных концепций и нашел выражение в модели альтернативного выбора (рациональный преступник по Г. Беккеру), модели портфельного выбора (рациональный преступник по А. Эрлиху, Дж. Хейнеке), дилемме наказания (по Дж. Бьюкенену), экономической теории рэкета как нелегальной правозащитной деятельности (по Д. Гамбетте), теории минимизации совокупных потерь общества от преступности (модель К. Эскриджа, Л. Филлипса, Г. Вотти), минимизации общественных потерь от правонарушений (по Р. Андерсену), максимизации полезности расходов на правоохранительную деятельность (модель М. Рейнолдса), экономических принципах деятельности судебной системы (по Р. Познеру), внесудебных определениях наказания и его экономической эффективности (по У. Ландесу) [7].

Институционализм как экономическая концепция активно проникает в криминологическую науку, позволяет найти интересные ракурсы исследования преступности и получить ценные результаты [8]. Вместе с тем очевидно, что одномерный подход к преступности с позиции экономического институционализма далеко не исчерпывает всех возможностей этой междисциплинарной методологической теории.

В 90-х гг. прошлого века в США сформировались институциональные теории преступности, базирующиеся на социологическом институционализме и ставшие значительным шагом вперед по направлению к формированию собственно криминологического институционализма. Особую популярность приобрела теория аномии Э. Дюркгейма, впоследствии развитая Р. Мертоном.

В 2006 г. под редакцией Р. Розенфельда была опубликована фундаментальная монография «Преступность и социальные институты» (ее авторами были такие известные ученые, как Г. Бернберг, Б. Симс, Э. Керри, Ф. Каллен, Ю. Саволайнен, Т. Годсей, Дж. Каллен) [9].

Широко распространена в США институциональная криминологическая концепция – теория институциональной легитимности. Книга Г. Лаффри «Теряя легитимность: уличная преступность и понижение социальных институтов в Америке» рассматривает традиционные теории преступности и их способность объяснить изменения в уровне уличной преступности в США в послевоенный период. Три основных послевоенных временных этапа и тенденции преступности определены в книге следующим образом: 1) ранний период (1946–1960 гг.) со стабильным низким уровнем преступности; 2) средний период (1961–1973 гг.), характеризующийся резким повышением уровня преступности; 3) поздний период (после 1973 г.) со стабильно высоким уровнем преступности.

Исследовав уникальные данные, охватывающие более чем полувековой период, Г. Лаффри пришел к выводу, что социальные институты являются ключом к пониманию периодически поднимающихся волн преступности в США. Преступность возрастала одновременно с наступлением политических кризисов и нестабильности, экономических стрессов и семейной дезинтеграции. Подобные изменения особенно касались расовых меньшинств. Американское общество реагировало на это инвестициями в уголовную юстицию, образование и институты социального обеспечения. По мнению Г. Лаффри, стабилизация традиционных социальных институтов и влияние на них новой финансовой политики отразилось на некотором снижении уровня преступности в 90-х гг. [10].

Г. Лаффри констатировал, что существующие криминологические теории не объясняют в полной мере эти тенденции, и высказал мнение, что биологические и психологические концепции преступности, основанные на медленно развивающихся биологических характеристиках или глубоких психологических особенностях личности, не в состоянии объяснить внезапный всплеск уличной преступности в столь непродолжительный промежуток времени (дважды в период с 1960 г. по 1970 г.). Аномическая теория Р. Мертона, по мнению Г. Лаффри, также не способна объяснить всплески преступности в определенное время, так как предполагает, что институциональная аномия – это постоянная и стабильная черта американ-

ского общества. Экономические теории представляются несостоятельными из-за необъяснимого парадокса «преступления посреди изобилия», характерного для всплесков преступности в периоды экономического роста. Культурологические теории девиантности также не могут дать исчерпывающий ответ на вопрос о том, почему количество преступлений варьируется и почему время от времени повышался уровень преступности, особенно среди молодых афроамериканцев мужского пола, а потом стабилизировался, если предположить, что существует постоянный «низший класс» в обществе. Г. Лаффри пришел к выводу, что наиболее четкое теоретическое объяснение может дать концепция утраты институциональной легитимности. С его точки зрения, политические, экономические и семейные институты регулируют преступность путем уменьшения мотивации отдельных лиц и усиления формальных и неформальных социальных контрольных механизмов. Социальные изменения, которые привели к утрате доверия к политическим институтам, коллективные действия и протесты, экономическое неравенство и инфляция, экономические и идеологические проблемы в американской семье являются серьезной угрозой для институциональной легитимности и, следовательно, могут объяснять изменения в уровне преступности на протяжении определенных периодов времени.

Г. Лаффри полагает, что три основных вида институтов отвечают за обеспечение стабильности в обществе: политические институты (принимая законы и осуществляя уголовное правосудие), экономические институты (давая людям возможность удовлетворять их материальные нужды) и, главным образом, семейные институты. Констатируя кризис легитимности во всех вышеуказанных институтах, Г. Лаффри объясняет именно им всплеск преступности, отмечая, тем не менее, что изменения в одном спектре институтов неминуемо влекут за собой изменения в других [11].

Теория Г. Лаффри воспринята многими учеными. Она была применена, в частности, для исследования внешних факторов, влияющих на природу убийств. Отмечается, что, по сравнению с социальными условиями в 70-х гг. и 80-х гг. прошлого века, в настоящее время увеличилась опасность, исходящая от утраты легитимности семейных институтов (разводы, одиночное воспитание, повышенная трудовая занятость женщин) [12].

Теория легитимности, предложенная Т. Тайлером, развивая концепцию Г. Лаффри, предполагает, что восприятие легитимности играет главную роль в убеждении добровольно соблюдать нормы права. Люди следуют нормам права потому, что считают это легитимным, а не потому, что боятся наказания. Творцы права и его исполнители достигали гораздо большего при создании правовых систем, заслуживающих уважения, чем при усилении санкций. Т. Тайлер считает, что люди исполняют положения закона потому, что они верят в легитимность соответствующей власти [13].

Относительно институциональной легитимности Б. Харкорт пишет, что люди реагируют на справедливость институтов и процедур: поведение отдельного лица отражает, как каждый человек воспринимает институты социального контроля. Когда такие институты и процедуры считаются справедливыми, люди с большей вероятностью будут исполнять правила, ими предусмотренные [14]. Важные

аспекты легитимности и ее влияния на уровень преступности проанализировал Б. Каперс. Он пришел к выводу, что контроль над исполнением полицией своих функций, в частности привлечение к ответственности работников правоохранительных органов, совершивших правонарушения, может повлиять на снижение уровня преступности. Исследуя восприятие тех, кто испытывал дискриминацию (с акцентом на меньшинства и другие незащищенные группы), Б. Каперс объясняет, как действия полиции, которые воспринимаются как злоупотребление властью, влияют на снижение легитимности этого социального института [15].

Б. Форт указывает на то, что преступность сигнализирует об ослабевшей легитимности государственных норм – об утрате чувства долга и законности, неспособности соотнести общественную мораль и личные интересы. Интересно, что, как отмечает Б. Форт применительно к ситуации в США, это не относится к утрате важнейших ценностей общества. В основном преступления совершаются для того, чтобы добиться материального успеха или избежать финансовых проблем, преследуя цель не быть бедным – цель всего американского общества. Преступники достигают ее официально запрещенным, но широко используемым способом. Легитимность формальных правовых норм поведения ослабляется именно потому, что они препятствуют достижению цели «не быть бедным». Такое восприятие, безусловно, ослабляет сдерживающий эффект увеличения санкций [16]. В подобной интерпретации теория институциональной легитимности в целом не противоречит теории институциональной аномии, но затрагивает иной пласт существования и функционирования социальных институтов.

Всякое исследование, направленное на изучение преступности в контексте теории социальных институтов, безусловно опирается на изучение конкретного институционально-правового пространства, вследствие чего его содержание отражает национальную и региональную специфику исследуемых объектов. Наряду с пространственным в данном случае существенным является временной фактор, поскольку институциональный дизайн общества, в отличие от свойств человека как биологического существа, находится в подвижном, динамическом состоянии.

Институциональный подход к изучению преступления и наказания, таким образом, является методологическим понятием, а институциональные теории, касающиеся преступности, неизбежно отражают не только общие закономерности, но и специфику места и времени социального бытия, наполняясь самым разнообразным содержанием. Слепое заимствование концепций, адаптированных к условиям разных стран и времени, безусловно является контрпродуктивным, однако освоение методологического подхода способно дать ценный инструмент для научного поиска важных практических решений для противостояния с преступностью. Особенно важно это в условиях постсоветских стран, которые по историческим меркам за один миг оказались на «руинах» не только своего социального строя, но и многих научных, в том числе криминологических, догматов.

В советской криминологии институциональный подход к изучению преступности в его современной интерпретации не применялся, хотя определенный интерес к социальным институтам, в частности к семье и школе, присутствовал всегда. Уже в 1985 г. серьезное внимание уделил социальным институтам известный

российский криминолог А. Яковлев [17]. Он рассматривал социальный институт как определенную организацию социальной деятельности и социальных отношений, осуществляемую посредством взаимосогласованной системы целесообразно ориентированных стандартов поведения, возникновение и группировка которых в систему предопределены содержанием решаемой социальным институтом определенной задачи [17, с. 58–59].

Существующие междисциплинарные исследования развиваются преимущественно в относительно самостоятельных, но неизбежно соприкасающихся руслах: экономическом, образуя соответствующее месту и времени течение «экономики преступлений и наказаний», и социологическом, основанном на достижениях институциональной социологии и традиционной для постсоветских государств криминологии. Среди экономистов, обратившихся к криминологическим проблемам с позиций институционализма, немало ученых-экономистов, которых можно назвать криминологами-экономистами [19], попытавшихся обследовать и поставить диагноз монстру постсоветской действительности – теневой экономике.

В Украине институциональная теория в криминологических исследованиях фактически не используется. Термин «институционализация» часто (и вполне обоснованно) применяется в контексте становления определенного научного направления. Эта мысль ранее развивалась профессором В. Туляковым в контексте виктимологических исследований [20]. Ученый писал, что преступное поведение в условиях «аномического» общества воспринимается не просто как нормальное явление, но и способствует становлению преступности как самостоятельного социального института, имеющего свои функции, тенденции, характеристики, свойства [21].

Необходимость институционализации специально-криминологических теорий на основе изучения теневой экономики обосновывал В. Попович [22].

О процессах институционализации криминологической науки в контексте криминализации общества и расширения сферы влияния преступности говорили также О. Джужа, В. Василевич, А. Кирилук [23]. Отдельным вопросам институционализации преступности посвятил ряд работ автор этой статьи [24].

Об экономической преступности как социальной аномалии, исследование которой наиболее результативно может быть осуществлено методологией институциональной теории, пишет украинский ученый С. Гриценко [25]. Проблеме социальных институтов уделяет значительное внимание известный украинский социолог-криминолог И. Руценко в контексте предлагаемой им интерпретации концепции социологии преступности [26].

В последние годы институциональная методология изучения преступности получает все большее распространение. Российский криминолог-экономист В. Колесников, одним из первых применивший институциональный метод в изучении теневой экономики, пишет: «Отечественные криминологи давно озабочены поиском новых, «свежих» подходов к противодействию преступности. Преодолеть узость рамок традиционных концепций может позволить использование научного инструментария институциональной теории» [27].

Особое место в становлении институционального подхода к исследованию преступности принадлежит трудам экономиста и социолога А. Олейника, который

обратился к изучению тюремной субкультуры и ее влияния на постсоветское общество. А. Олейник обращает внимание на то, что институциональная теория, возникшая на стыке экономики, социологии, права и истории, ориентирована на изучение формальных и неформальных норм, структурирующих взаимодействие между индивидами в разных сферах повседневной активности. А. Олейник противопоставляет два типа обществ – «большое» и «маленькое» – и приходит к выводу, что российское общество в целом функционирует аналогично «маленькому» тюремному сообществу. «Институциональная структура тюремного сообщества конгруэнтна институциональной структуре общества советского типа, так как они обе включают в себя элементы, которые можно получить путем серии взаимных преобразований», – пишет А. Олейник [28].

Серьезным вкладом в развитие институционального подхода к изучению преступности стала защищенная в 2002 г. Н. Бараевой диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Организованная преступность как социальный институт» [29].

Институциональный подход применялся в весьма дискуссионных работах И. Клямкина и Л. Тимофеева [30]. Так, в книге «Наркобизнес: начальная теория экономической отрасли» (1998 г.) Л. Тимофеев рассматривает наркобизнес как экономическую отрасль, анализирует институциональную организацию рынка, коррупционные связи между наркобизнесом и государственными чиновниками.

Исследование теневой экономики Ю. Латова основано на трактовке ее как института (комплекса институтов), являющегося органическим компонентом хозяйственной жизни. Ученый считает, что изучение теневой экономики в рамках социологической и экономической теорий стало активно развиваться лишь в последней трети XX в. под влиянием институционализма – расположенной на стыке социологии и экономики парадигмы обществоведения, представители которого обращают приоритетное внимание на социальные аспекты («правила игры») хозяйственной жизни [31].

Вполне закономерным является обращение к институциональной теории в изучении преступности. Удивительно то, что институциональная методология относительно мало востребована в современных криминологических исследованиях в Украине. Задачи, которые ставятся перед институциональной теорией, выходят за пределы той или иной конкретной науки. Очевидно, что ни криминология, ни социология, ни экономика не смогут самостоятельно охватить весь комплекс проблем, связанных с функционированием социальных институтов и институционализацией криминальных практик. Решение этой задачи возможно в рамках развития такого нового комплексного криминологического направления, как институциональная криминология.

Литература

1. Schelling T.C. Economic Analysis and Organized Crime / T.C. Schelling // U.S. The president's commission on law enforcement and administration of justice. Task force report: organized crime. Annotations and consultants paper. – Washington, 1967. – P. 114–126.
2. Becker G.S. Crime and punishment: an economic approach / G.S. Becker // Journal of Political Economy. – 1968. – Vol. 76. – № 2. – P. 169–217.

3. Becker G. The Economic Way of Looking at Life / G. Becker // Nobel Lecture. – 1992. – December. – P. 27.
4. Журнал «Экономическая теория преступлений и наказаний» Центра по изучению нелегальной экономической деятельности № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://corruption.rsuh.ru/magazine/index.shtml>.
5. Беккер Г. Преступление и наказание: экономический подход / Г. Беккер // Истоки. – М. : ГУ-ВШЭ, 2000. – Вып. 4. – С. 28–90.
6. Schelling T.C. Economic Analysis and Organized Crime / T.C. Schelling // U.S. The president's commission on law enforcement and administration of justice. Task force report: organized crime. Annotations and consultants paper. – Washington, 1967. – P. 114–126.
7. Латов Ю.В. Экономическая теория преступлений и наказаний («экономические империалисты» в гостях у криминологов) / Ю.В. Латов // Вопросы экономики. – 1999. – № 10. – С. 60–75; Латов Ю.В. Экономика преступлений и наказаний: тридцатилетний юбилей / Ю.В. Латов // Истоки. – М. : ГУ-ВШЭ, 2000. – Вып. 4. – С. 228–270; Латов Ю.В. Экономика вне закона: очерки по теории и истории теневой экономики / Ю.В. Латов. – М. : Моск. общ. науч. фонд, 2001. – 281 с.
8. Энторф Х. Преступность с экономической точки зрения: факты, теория и статистика / Х. Энторф // Политэконом. – 1997. – № 1. – С. 56–63.
9. Crime and Social Institutions / ed. by R. Rosenfeld. – London : Ashgate Publishing Co, 2006. – 549 p.
10. Lafree G. Losing Legitimacy: Street Crime and the Decline of Social Institutions in America / G. Lafree. – Boulder : Westview Press, 1998. – 240 p.
11. Lafree G. Losing Legitimacy: Street Crime and the Decline of Social Institutions in America / G. Lafree. – Boulder : Westview Press, 1998. – 240 p. ; Sacco V. When crime waves / V. Sacco. – New York : SAGE Publications, 2005. – 210 p.
12. Miethe T.D. Rethinking homicide: exploring the structure and process underlying deadly situations / T.D. Miethe, W.C. Regoeczi, K.A. Drass. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 320 p.
13. Tyler T.R. Why People Obey the Law / T.R. Tyler. – ed. 2. – Princeton : Princeton University Press, 2006. – 299 p.
14. Harcourt B.E. Language of the gun: youth, crime, and public policy / B.E. Harcourt. – Chicago : University of Chicago Press, 2006. – 278 p.
15. Harcourt B.E. Capers B. Crime, Legitimacy, and Testifying Paper presented at the annual meeting of the Law and Society Association / B.E. Harcourt [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.allacademic.com/meta/p177422_index.html.
16. Forst B. The Socio-economics of Crime and Justice / B. Forst. – M.E. Sharpe. – 1993. – P. 57–58.
17. Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика / А.М. Яковлев ; отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М. : Наука, 1985. – 247 с.
18. Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика / А.М. Яковлев ; отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М. : Наука, 1985. – 247 с.
19. Колесников В.В. Экономическая преступность и рыночные реформы. Политико-экономические аспекты : [монография] / В.В. Колесников. – СПб. : Изд-во СПбУЭФ, 1994. – 173 с. ; Колесников В.В. Преступность в сфере экономической деятельности / В.В. Колесников, Б.В. Волженкин, В.М. Егоршин // Криминология : [учебник для юридических вузов] / под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб. : Лань, 1998. – С. 280–315.
20. Туляков В.А. Виктимология: социальные и криминологические проблемы / В.А. Туляков [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.twirpx.com/file/543986>.
21. Туляков В.А. Криминология современности / В.А. Туляков // Криминологія в Україні та протидія злочинності : зб. наук. статей / за ред. М.П. Орзіха, В.М. Дрьоміна. – О. : Фенікс, 2008. – С. 71–79.
22. Попович В.М. Економіко-кримінологічна теорія детінізації економіки : [монографія] / В.М. Попович. – Ірпінь : Академія державної податкової служби України, 2001. – 523 с.
23. Джужа О.М. Теоретичні проблеми сучасного погляду на розвиток криминології / О.М. Джужа, В.В. Василевич, А.В. Кирилук // Боротьба з організованою злочинністю і корупцією (теорія і практика). – 2002. – № 6. – С. 17–25.
24. Дремін В.Н. Социальная стратификация и преступность (к вопросу о криминализации общества) / В.Н. Дремін // Проблемы политики. – 2000. – № 8. – С. 299–305; Дремін В.Н. Преступность и ее организованные формы как социальная практика / В.Н. Дремін // Информационное обеспечение противодействия организованной преступности : сборник научных статей / под ред. М.Ф. Орзіха, В.Н. Дремін. – О. : Фенікс, 2003. – С. 12–25; Dryomin V.M. Organized Crime and Corruption in Ukraine as a System Phenomenon / V.M. Dryomin // Organized Crime, Trafficking, Drugs. – Helsinki : HEUNI, 2004. – P. 49–60;

Дремін В.Н. Институционализация преступности и институциональная криминология: концептуальные подходы / В.Н. Дремін // Сучасна криминологія та проблеми протидії злочинності : зб. статей / за ред. М.Ф. Орзіха, В.Н. Дремїна. – О. : Фенікс, 2008. – С. 54–70 ; Дремін В.Н. Правопорядок и преступность: механизмы институциональной взаимодействия / В.Н. Дремін // Сучасний правопорядок: національний, інтегративний та міжнародний виміри : тези Міжнародної науково-практичної конференції / за заг. ред. Ю.М. Оборотова. – О. : Фенікс, 2008. – С. 192–195.

25. Гриценко С.А. Экономические преступления как институциональные девиации / С.А. Гриценко // Научные труды ДонНТУ. Серия «Экономическая» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.donntu.edu.ua>.

26. Рущенко І.П. Соціологія злочинності : [монографія] / І.П. Рущенко. – Х. : Вид-во Націон. ун-ту внутр. справ, 2001. – 370 с.

27. Колесников В.В. Криминология и институциональный подход: методологические возможности нового инструментария / В.В. Колесников // Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://sartraccs.sgar.ru>.

28. Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти / А.Н. Олейник. – М. : ИНФРА-М, 2001. – 418 с.

29. Бараева Н.Б. Организованная преступность как социальный институт : автореф. дис. ... докт. юрид. наук : спец. 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» / Н.Б. Бараева ; Социологический институт Российской академии наук. – СПб., 2002. – 27 с.

30. Клямкин И.М. Теневой образ жизни. Социологический автопортрет постсоветского общества / И.М. Клямкин, Л.М. Тимофеев. – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2000. – 68 с. ; Тимофеев Л.М. Институциональная коррупция / Л.М. Тимофеев. – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2000. – 365 с. ; Тимофеев Л.М. Наркобизнес. Начальная теория экономической отрасли / Л.М. Тимофеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб. : Медицинская пресса. – 2001. – 96 с.

31. Латов Ю.В. Экономическая теория преступлений и наказаний («экономические империалисты в гостях у криминологов») / Ю.В. Латов // Вопросы экономики. – 1999. – № 10. – С. 60–75 ; Латов Ю.В. Экономика преступлений и наказаний: тридцатилетний юбилей / Ю.В. Латов // Истоки. – М. : ГУ-ВШЭ, 2000. – Вып. 4. – С. 228–270 ; Латов Ю.В. Экономика вне закона: очерки по теории и истории теневой экономики / Ю.В. Латов. – М. : Моск. общ. науч. фонд, 2001. – 281 с.

Анотація

Дремін В. Н. Преступление и преступность сквозь призму институционализма. – Стаття.

Автор у статті розглядає концепцію злочину й злочинності з позицій інституціональної методології. Одним з суттєвих факторів соціальної конфліктності, кризи інституціональних основ державного й політичного устрою, розпаду стійкої інституціональної системи суспільства є злочинність. Обґрунтовується висновок, що злочинність відображає рівень легітимності інституціональної структури суспільства.

Ключевые слова: преступление, преступность, социальный институт, легитимность институциональной структуры общества.

Анотація

Дремін В. М. Злочин і злочинність крізь призму інституціоналізму. – Стаття.

Автор у статті розглядає концепцію злочину й злочинності з позицій інституціональної методології. Одним з суттєвих чинників соціальної конфліктності, кризи інституціональних основ державного й політичного устрою, розпаду стійкої інституціональної системи суспільства є злочинність. Обґрунтовується висновок, що злочинність відображає рівень легітимності інституціональної структури суспільства.

Ключові слова: злочин, злочинність, соціальний інститут, легітимність інституціональної структури суспільства.

Summary

Dryomin V. N. Crime and criminality through the prism of institutionalism. – Article.

The author considers the concept of criminality from the position of institutional methodology. Crime is one of the significant factors for social conflictness, crisis of institutional basis of the state, economic and political order, collapse of sustainable institutional system of the society. The author substantiates the conclusion, that crime reflects the level of legitimacy of institutional structure of the society.

Key words: crime, criminality, social institute, legitimacy of institutional structure of the society.